

Обадыя Режис
(Хореограф)

1402.03

«Этот балет надо ставить только на русских»

Режис Обадыя обещает Москве

Стравинского

Коммерсант - 2003 - 14 февр. -
проект балет *- с. 21.*

В посольстве Франции прошла пресс-конференция, посвященная предстоящей работе хореографа Режиса Обадыя с современной труппой камерного балета «Москва». 17 марта обещана премьера — «Весна священная» Игоря Стравинского. Накануне пресс-конференции на заплыванной лестничной площадке художественного училища памяти 1905 года ТАТЬЯНА КУЗНЕЦОВА пыталась выяснить у РЕЖИСА ОБАДЬЯ, как его занесло в «Москву».

— Как вы рискнули работать с русскими, не знакомыми с техникой современного танца?

— Зато я увидел в них огромное желание работать и узнавать новое. Желание брать и отдавать. Конечно, это совсем не то что работать с артистами, которых я doskonale знаю. В этом предложении был вызов. И я его принял.

— Почему вы выбрали «Весну священную»?

— Эта музыка присутствует в моей жизни много лет. Но мне почему-то всегда казалось, что этот балет надо ставить только на русских. И когда мне предложили найти какую-то тему для балета «Москва», я сразу подумал: Москва, Россия, Стравинский — все, пошли!

— Чью запись «Весны священной» вы используете?

— Булеза. Его версия доносит в совершенной форме чувство священной весны. Я послушал несколько других записей, и у меня было чувство, что я слушал другую музыку. У Булеза она резче, жестче и гораздо откровеннее.

— Вас называют представителем первого поколения французской «новой волны». Скажите, это было действительно поколение, объединенное общими эстетическими задачами, или просто люди одного возраста?

— Думаю, наше поколение было вызвано к жизни деньгами. Культурной политикой Миттерана и социалистов. Они инвестировали средства в развитие танца. У нас появилась возможность работать в национальных культурных центрах — причем без какой-либо единой техники и специальных школ, поскольку у каждого хореографа был свой собственный мир, в котором он и существовал.

— И какой мир был у вас в Анжере?

— У нас была отличная школа. Наши выпускники сейчас танцуют в лучших труппах — у Пины Бауш, у Форсайта. Но у меня никогда не было собственной труппы. Каждый раз на постановку собирались люди, а потом разлетались в разные стороны. Ведь если после премьеры нет гастролей, танцовщики начинают искать другую работу — им надо на что-то жить. Во Франции 300 трупп современного танца, все они имеют поддержку министерства, но когда деньги делят на всех, бюджет получается такой малю-юсенький...

— Почти два десятилетия вы ставили и танцевали с соавтором и партнершей Жоэль Бувье и год назад вдруг расстались. Почему?

— Мы начали работать вместе лет в двадцать. Были как дети — вместе открывали мир. Но со временем оказались как бы приклеены друг к другу: нас так и звали — Бувьеобадыя. Мы уже перестали понимать, кто есть кто, и это не смешно. Через 18 лет у меня наконец возникла потребность найти собственное «я». И когда мы начали работать порознь, оказалось, что наши миры очень разные. Все, что мы делаем сейчас, не похоже на наши совместные работы. Я чувствую, что теперь лучше знаю самого себя и то, чего я хочу.

